

Рыночная судьба высшей школы

В статье рассматривается своеобразие положения высшей школы в условиях рыночного производства, показаны проблемы, возникающие в связи с определением статуса образования как товара или услуги. Представлен анализ истории высшего образования в России, в контексте которого можно более точно оценить современную ситуацию, особое внимание уделено соотношению социокультурной и кадрово-производственной функций высшего образования.

Ключевые слова: *высшее образование, рынок, субъекты организации высшего образования, качество профессиональной подготовки.*

Можно спорить, к какому виду товара следует отнести профессиональное образование, бесспорно лишь то, что в условиях развитого товарного производства с развернутыми рыночными отношениями оно обречено быть товаром. Однако, определяя товарную принадлежность профессионального образования, важно правильно оценить положение, которое оно занимает на рынке, учитывая особое социокультурное значение этого «товара» и ключевую роль в укреплении национальной безопасности. У особого для судьбы государства товара должен быть и особый рыночный статус – привилегированный.

К «семи смертным болезням» товара на рынке, выделенным Э. Демингом [1], целесообразно добавить восьмую – неопределенность стратегического подхода властных структур к рыночному порядку. Государство и на рынке образовательных услуг призвано выполнять свою главную функцию – всемерно способствовать созданию в вузах условий наивысшего благоприятствования развитию личности и продуктивности профессиональной консолидации.

Все формальные товарные признаки у действий высшей школы есть:

- услуги (блага) производятся для других и в массовом порядке;
- налицо потребительская и меновая стоимость этих услуг;
- устойчивость производства услуг исторически подтверждена.

Имеется и характерная зависимость товара, предлагаемого высшим образованием, – его востребованность обусловлена уровнем социокультурной готовности общества. Еще во времена Сократа действовало правило: «Знания передаются только знающим». Ари-

стотель дополнил его важнейшей идеей: «Учить мыслить, а не мыслям». Без уточнения товарной специфики образования вообще бессмысленно пытаться разобраться в качестве образования, включая высшее.

Рынок требует тип товара, потребитель – конкретный товар. Качество рынка представлено товарным ассортиментом, качество товара – его популярностью на рынке у потребителей. В качестве потребитель видит суть товара, в ассортименте – возможность разобраться в качестве реальности товара. Рынок трансформирует толкование качества из объективной оценки предмета – способности, действия – в потребительское осознание доступности в условиях платежеспособного спроса. Рынок – это отношения, и здесь все должно быть тестировано отношениями основных субъектов.

Диалектическое противоречие реальности образования заключается в том, что оно существует и как товар, и как то, что не может быть товаром, так как не подлежит отчуждению. У Московского Кремля есть собственник и ценовой эквивалент, к примеру, для страхования от форс-мажорных обстоятельств, но товаром Кремль быть не может. Это символ государства наравне с гимном, флагом, гербом. Президенту назначается зарплата, но это не означает, что его должность является элементом рыночного сектора рабочей силы, товаром.

Содержание образования раскрывается понятием «учебно-воспитательный процесс», которое связывает два сонаправленных действия. Знания – сила, а сила – векторная величина. Силе знаний необходимо придать направленность действия. Вектор сообщает знаниям смысл.

Ф.М. Достоевский, знавший высшее образование изнутри, оставил организаторам и политикам, оказавшимся у руля движения высшей школы, историческое завещание: «Там, где образование начиналось с техники... никогда не появлялись Аристотели. Напротив, замечалось необычное суживание и скудность мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля... тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями... и расширением человеческой мысли...» [2, с. 312]. Кроме уникальных глубины и размаха мышления великого философа и ученого, Федор Михайлович имел в виду и своеобразие этики, разработанной Аристотелем.

Знания передаются от субъекта обучающего к субъекту обучающемуся. Ценности воспитываются. Благодаря ценностям достигается целостность системы знаний, выстраивается социокультурная надстройка над товарным (экономическим) базисом, обретает смысл общественное и личностное бытие *homo sapiens*, человек получает то, что можно представить товаром только вместе с концом бытия *homo sapiens*. В рамках логики человеческой жизни как космогенного феномена такое находится за границами разумности.

Присутствие образования на рынке закономерно, но разумен его статус товара исключительно под контролем регулятора, ответственного за осуществление закономерно-го порядка общественного развития, иначе говоря, государства.

Отечественное вузовское образование на всем протяжении своей истории было рыночным явлением с характерным державным сопровождением. До 1917 г. в России имелось семь негосударственных технических институтов: пять женских и два совместной формы обучения. Проекты Санкт-Петербургского политехнического института с механико-техническим и электротехническим отделениями, а также Высшего технологического в Москве остались нереализованными [3, с. 103]. Втузы, призванные реализовывать государственную политику, направленную на модернизацию экономики страны, традиционно имели государственное управление, относясь в основном к ведомству Министерства финансов. Именно министру финансов С.Ю. Витте мы обязаны акцентом в инже-

нерной подготовке на политехническую форму институтов, сближавшую их с университетской классикой [4, с. 51–53].

После 1917 г. характер российской экономики изменился, но она не перестала быть рыночной, просто приобрела социалистическую специфику – директивно-плановый характер. Кстати, нынешний российский рынок также далек от классического рыночного уклада. Высшее образование в советское время оставалось рыночным сектором, регулируемым государством. В 1928 г. по инициативе И.В. Столыпина «...советская власть пошла на то, что затраты на образование новых кадров (для социалистической индустриализации. – Ю. М.) приравняла по своему удельному весу к затратам на капитальное строительство промышленности и решила выделять добавочно на это дело более 40 миллионов рублей ежегодно» [5, с. 217]. В результате уже к 1928 г., когда началась подготовка к войне, темп прироста ВВП составил 2,7 % в год, увеличившись по отношению к самому успешному 1913 г. в два раза.

В животном мире преемственность обеспечивается обучением. Здесь суть жизни в выживании. Хорошо усвоил необходимую сумму знаний и навыков – получил свой шанс дожить до естественного конца. Человеку для деятельности нужен образ мира, и не какой-нибудь, а тот, что соответствует объективной реальности, с одной стороны, и его человеческому развитию – с другой. Обучение не способно решить эту проблему. Ему на смену приходит образование – «ваяние (творение) образа мира» как способ осознания жизни.

Проблема содержания образования влечет за собой свое продолжение – определение качества образования. Стремление найти ответ на вопрос «Что такое качество образования?» породило целый пласт литературно-научного творчества. Иногда складывается впечатление, будто исследователи настолько увлеклись дискуссией, что сам ее предмет их уже не очень интересует, они выясняют собственные отношения. В оправдание скажем: проблема качества образования действительно непростая. Ее сложность начинается с особенности образовательной деятельности как объекта исследования.

Образование можно назвать видом творчества. В нем четко представлены основные творческие способы действия – наука и искусство, что так раздражает чиновников, ибо не дает задушить образование в бюрократических объятиях. Отличие образовательного творчества, на наш взгляд, во-первых, в диалогичности, во-вторых, во временных и функциональных масштабах.

Образование предполагает как качество технологической разработки учебно-воспитательного процесса (качество процессуальное), так и качество продукта, во имя которого оно существует (конечное образовательное качество). Регулятор, по-видимому, хорошо понимает, что единственным действительным критерием оценки качества деятельности вуза служит востребованность его выпускников по специальности, но сведение бюрократической бухгалтерии к столь простому бюджету – «заказали-взяли» – обернется катастрофой для класса чиновников. Они окажутся лишними в деле, поэтому и штурмуют чиновники организацию образовательного процесса, руководствуясь формальными признаками. Контроль за организацией работы вуза необходим, но не в качестве средства, определяющего качество данной деятельности. Доминантный показатель качественности работы вуза – профессиональная оценка подготовки специалистов, устойчивый спрос на конкретный продукт конкретного вуза, в том числе и зарубежных потребителей.

В отечественной научной литературе много публикаций, посвященных экономическому статусу вузовского образования. Рыночное положение высшей школы анализируется преимущественно в рамках качества продукта, условий, способствующих получению качественного результата, специфики маркетинговых действий. По-прежнему доминирует экономический взгляд, сложившийся в 1990-е гг., когда академические свободы вузов власть толковала как способность выжить в ситуации экономического развала и социальной неуверенности. Так, А.А. Шакуров уверен, что «маркетинговый подход в управлении образовательного учреждения предполагает жесткость и адаптивность структуры предприятия и принятие управленческих решений с полной организацией своей

деятельности на потребности и спрос потребителей образовательных услуг» [6, с. 45]. Не менее императивной выглядит и точка зрения на критерий качества выпускников вуза Т.Р. Суздалевой и К.В. Федорова: «Целесообразно при определении эффективности деятельности технических вузов считать главными критериями оценку качества профессиональной подготовки специалистов работодателями и уровень востребованности выпускников на рынке труда» [7, с. 205]. В данном твердом заявлении остается неопределенным вопрос, о каких работодателях идет речь. Без необходимого разъяснения легко стать заложником элементарного утилитаризма. Вузу должен быть противопоставлен не рынок вообще, а специализированный сектор рынка труда и работодатели, заинтересованные в развитии производства.

Под давлением интересов рынка появилось немало «перспективных» концепций, авторы которых стремятся откровенно вписать университет в рамки отношений «продай-купи». Г. Ицковиц предлагает модель «предпринимательского института», призванного существенно изменить функционирование вуза, преодолеть иммобильность, свойственную классическим учебно-исследовательским заведениям. Такой вуз вынужден будет «крутиться» в рыночных «шестеренках», чтобы заработать на развитие. Отдадим должное автору концепции «предпринимательского института»: он только поставил вуз на рыночный фундамент, обусловив его реальность условиями рынка. Симптоматично название книги Г. Ицковица «Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии» [8]. Автор, по-видимому, тормозит движение университета в рынок с помощью госрегулирования образовательной деятельности, что, бесспорно, хорошо для судьбы высшей школы. Тем не менее вопросы остаются. Состояние рынка обусловлено качеством организации предпринимательской деятельности, поэтому идея Г. Ицковица работает при наличии соответствующих обстоятельств. Российский рынок малопригоден для реализации подобного проекта. Добавим к этому и юридический факт – правовые нормы, согласно которым в Европе образование не сводится к ряду эко-

номических явлений. Отдельно отметим такую опасность, как неистребимое влечение российских чиновников к экономии на образовании. Нужна коренная адаптация планов Г. Ицковица к отечественной специфике.

Ответственное поведение регулятора включает поддержку качества оснащения в профессионально-образовательной технологии четырех направлений: всесторонности развития личности специалиста, обеспечения современного уровня специальных знаний и культуры мышления, воспроизводства соответствующих профилю вуза социальных групп, наращивания научного потенциала. В достаточно развитом образовании с национальными традициями все перечисленное присутствует в виде стандартов педусловий, освоенных методических и дидактических рекомендаций, информационно-технических средств, условий научных исследований, материально-технического оснащения, творческих контактов, издательской базы и т.п. Примером может служить история отечественной высшей школы и ее инженерно-технической ветви.

Первый наш академический университет, подобно первому блину, вышел комом, но без него М.В. Ломоносов вряд ли предложил бы свою модель, достижения которой признаны мировым сообществом. Первому российскому инженерному вузу уже две сотни лет, и его заслуги вписаны в историю мирового высшего образования, может быть, не столько выдающимися именами, сколько разработанными технологиями профессионального воспитания специалистов действительно высочайшей квалификации [3, с. 99].

Наши либералы переводят стрелку национального кризиса с экономического пути на профессиональное образование, якобы потерявшее способность качественно готовить специалистов. Реальность заключается в ином. Регулятор оказался неспособным управлять профессиональным образованием в условиях псевдомонократического рынка. Предоставить свободу доступа к высшему образованию, может быть, нужно было в 1990-е гг., однако, принимая во внимание массовость желающих учиться в вузе и их явную неспособность к этому (даже при минимальном подобии большинства частных

вузов и филиалов вузовскому стандарту), следовало хорошо подумать о контроле за буйством разбухших демократическими реформами желаний. Кто во власти думал в то время о качестве образования? Кто пришел на смену тем, кто не думал? Кризиса качества образовательной технологии в советских вузах не было. Имели место проявления кризисных симптомов в идеологии образования. Придумать кризис отечественной высшей школы было нужно, чтобы посеять сомнения в ее реальных возможностях. Что же до модернизации, то она актуальна была всегда и для всех в мире, кто не хотел отстать и затеряться в истории. Английское высшее образование не устраивало А. Смита и тысячи его земляков в XVIII – начале XIX вв., что породило «Grand Tour». С. Фарсинг подробно сообщает об этом, называя массовое нашествие островитян на континентальную Европу (во Францию, Италию) за образованием «ключевым элементом высшего образования» [9, с. 256]. Хосе Ортега-и-Гассет отмечал падение качества высшего образования в Европе после Первой мировой войны [10, с. 435]. С проблемой необходимости модернизирования вузовской деятельности европейцы вновь столкнулись в 1950-е гг., начав поход, завершившийся Болонским соглашением, которое, впрочем, иконизируют исключительно отечественные модернизаторы.

В середине XIX столетия, в период развертывания системы инженерного образования в России, снизилось качество успеваемости в головном вузе – Петербургском институте инженеров путей сообщения. Коллектив педагогов, разобравшись в ситуации, назвал причину. Ею оказалась перегрузка учебных программ. Отлаженный механизм получения знаний, базой которого была апробированная десятилетиями связка «лекция – репетиция в закрытых классах», дал устойчивый сбой. Вносить коррективы в учебные программы вузовская администрация не имела права. Обратились к министру путей сообщения, все перепроверили, получили подтверждение объясняющей версии и немедленно сократили объем учебного материала без ущерба для качества.

Гастарбайтеры обязаны знать язык и историю страны, где собираются работать.

Отечественные топ-менеджеры ее не знают либо игнорируют в частных интересах. Сокращать нужно не часы на фундаментальную инженерную подготовку, а учебную программу за счет тех разделов, которые неактуальны для направления подготовки. Математика, философия, физика учат мыслить, понимать диалектику природы, человеческих отношений. Эти предметы священны для инженерной подготовки, и все изменения здесь допустимы только с согласия педагогического сообщества. Еще поучительный пример: в 1880-е гг. качество подготовки в российских инженерных вузах стало отставать от темпов и масштабов прогресса инженерной практики. Правительство, понимая важность проблемы, создало специальную комиссию из наиболее авторитетных ученых и профессоров во главе с Н.П. Петровым. Она и вошла в историю как «комиссия Петрова». Профессионалы разработали план конкретных мероприятий для решения проблемы. Для страны было трудное время, рекомендации комиссии по большому счету остались неисполненными, но мимо власти не прошли. Став министром финансов, С.Ю. Витте принял важное решение придать создаваемым инженерным вузам политехническую форму [4]. Кто знает механизмы решения проблем, тот вооружен реальным средством действия.

В истории отечественного инженерного образования был опыт выдачи дипломов двух типов: полного и неполного. Обладатели первого имели право на весь спектр профессиональной деятельности, вплоть до работы директором или управляющим. У тех, кто получал диплом второго типа, имелись ограничения, которые можно было снять после работы по специальности и дополнительного обучения [3, с. 108–109]. Кому нужны дипломы единого образца? Больше всего тем, кто либо плохо учится, либо вообще пришел в вуз, движимый модой. А еще это важно для организации бизнеса на приватном образовании и для чиновников, которых данный бизнес поощряет за «работу».

Понять, каким должно быть качество организации профессиональной подготовки в вузе, помогают научные рекомендации, сопоставление с признанными образцами (в каждой стране, в регионе есть элитные уни-

верситеты, не говоря о лучших по мировым стандартам вузах). Немало подсказок даст анализ национальных традиций, стоит прислушаться к критическим пожеланиям работодателей, не абсолютизируя их оценки, также нельзя недооценивать мнение профессионального сообщества.

Наиболее сложная сторона проблемы качества вузовского образования – качество конечного продукта. Вуз – всего лишь звено между общеобразовательной школой и профессиональной деятельностью. Вузовская деятельность обусловлена качеством «сырья» и качеством спроса на конечный продукт. Здесь сфокусированы интересы всех субъектов рынка: студента, государства, работодателя и, разумеется, самого университетского коллектива. В чем-то эти интересы совпадают, но еще больше расхождений между ними. Консенсус в таком случае маловероятен, однако «рамочное соглашение» вполне допустимо. Инициативу в достижении конвенции обязано взять на себя государство.

Демократические преобразования проявляются в диверсификации общественных отношений, в том же направлении движется и социальный прогресс, однако наряду с центробежными силами требуются и центростремительные действия, стягивающие национальное развитие в конкретно-исторический процесс. О возможности согласованного понимания качества выпускника вуза писали авторы учебного пособия «История инженерного образования в России»: «Работодатель заинтересован в прибыли, государство – в предпринимателе, уплачивающем налоги с прибыли, вуз – в деньгах, которые предприниматель готов платить за подготовку специалиста, студент – в возможности заработать. Все же вместе понимают, что все у них получится, если будет социальное партнерство, политическая стабильность, экономическая безопасность» [3, с. 15].

Двадцать лет назад В.М. Полонский подготовил «Словарь понятий и терминов по законодательству РФ об образовании» [11]. Это весьма полезный источник базовых знаний и информации к размышлению. В.М. Полонский своевременно предупредил жаждавших немедленных итогов реформ о том, что изменение результатов в образовании требует

квалифицированного труда, всесторонних научных исследований. Политическая спешка и экономическая суета здесь неуместны. Согласно убеждению В.М. Полонского, нет специальных способов измерения, многое невозможно определить однозначно, не все проявляется сразу. Но есть и нечто обнадеживающее. Можно измерить знания, умения, навыки, а также отдельные продукты личностного развития: мотивацию, креативность мышления, самостоятельность поведения, физическое состояние, культурный статус.

В качественном профессиональном образовании заинтересованы все в обществе, ибо экономика современного общества развивается за счет нарастания человеческого капитала. Роль вузовского образования в социально-экономическом прогрессе будет только усиливаться, что, без сомнения, обострит конкуренцию внутри национального образования и между национальными образовательными системами. Неслучайно в последнее время появились многочисленные тотальные и региональные рейтинги международного статуса вузов. Редкие эксперты молчат о качестве их разработки. Условность, субъективность заложенных в них показателей напоминает известные международные рейтинги экономического статуса, откровенно «заточенные» под интересы США. Они международны исключительно по масштабу, но никак не по объективности и беспристрастности подхода. Ими можно пользоваться лишь при условии осознания ограниченности подобной оценки. Нас откровенно вытесняют с мирового рынка с помощью отработанных лоббистских технологий.

Настораживает журналистское любопытство к рейтингам российских вузов. Подчер-

кивая скромные места российских вузов в списке, мастера пера работают не в национальных интересах. Данная информация требует развернутых и квалифицированных комментариев специалистов. Если у нас так неважно обстоит дело с качеством подготовки выпускников, то почему в Европе сокращается производство инженеров, а в крупнейших межнациональных фирмах, по свидетельству С.П. Капицы, треть кадров из России? Не юристов, экономистов, социологов – инженеров [12, с. 3].

Включая в рейтинговую оценку вуза количество нобелевских лауреатов, западные оценщики осознанно принижают наши вузы. В Европе и США наука «привязана» к университетам, у нас стараются университеты интегрировать с Академией наук. На Западе нобелевские лауреаты рождаются в вузах, у нас – в академических институтах. Кстати, почему фигурируют только нобелевские лауреаты? Есть и другие престижные научные премии, причем более объективные, так как позволяют точнее измерять результат.

Историческая связь вузов с наукой на Западе выглядит органично, способствует повышению рыночного качества основной вузовской продукции, но не в столь массовом масштабе, чтобы связанные с данным феноменом результаты включать в рейтинговые основания как центральное положение. Петр I хотел внедрить в России французскую академическую модель – создать комплекс «Академия наук – академический университет – университетская гимназия». Жизнеспособной оказалась только Академия наук. У каждой страны своя культурная история, с которой приходится считаться и доверять ее способности совершенствоваться.

Библиографический список

1. 14 пунктов программы Деминга для менеджмента. Болезни и препятствия на пути преобразований // Информационный бюллетень Ассоциации Деминга. М.: МГИЭТ (ТУ), 1993. С. 112.
2. Литературное наследство. Т. 23. Неизданный Достоевский. М.: Наука, 1971. 471 с.
3. Верескун В.Д., Мишин Ю.Д., Постников П.М. История инженерного образования в России: Учеб. пособие. М.: ФГБОУ «УМЦ по образованию на железнодорожном транспорте», 2012. 227 с.
4. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. 720 с.
5. Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. 381 с.
6. Шакуров А.А. Маркетинговый подход в управлении качеством высшего образования // Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в техническом университете: Сб. науч. тр. 13-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2013. С. 44–46.

7. Суздалева Т.Р., Федоров К.В. Профессиональная культура специалиста в техническом вузе // Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в техническом университете: Сб. науч. тр. 13-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2013. С. 203–207.
8. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университет – предприятие – государство. Инновации в действии / Пер. с англ. Томск: Изд-во ТГУСУР, 2010. 238 с.
9. Искусство: Всемирная история / Под ред. С. Фарсинга; Пер. с англ. М., 2012. 576 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
11. Полонский В.М. Словарь понятий и терминов по законодательству РФ об образовании. М.: Мипрос, 1995. 80 с.
12. Капица С.П. Мозги у нас – от Бога // Аргументы и факты. 2006. № 30. С. 3.

Y. Mishin

Market destiny of higher education

Abstract. The paper investigates the peculiar position of higher education under the conditions of market economy. The problems arising in connection with the determination of the status of higher education as a product or service are discussed. The analysis of the history of higher education in Russia in the context contributing to the precise understanding of the current situation is proposed. The relationship of socio-cultural and productive functions of higher education is particularly emphasized.

Key words: *higher education; market; subjects of organization of higher education; quality of professional training.*

Мишин Юрий Дмитриевич – кандидат философских наук, профессор, завкафедрой «Философия и культурология» СГУПСа. E-mail: filos@stu.ru